

SEMANTIC TREASURES OF THE RUSSIAN WORD

Kharitonchik Zinaida Andreevna^{1*}

Professor, Minsk State Linguistic University,
Minsk, Belarus.

(date of receiving March, 2023; date of acceptance: May, 2023)

Abstract

The article presents the results of the semantic analysis of words of different lexical fields in present-day Russian: kinship and military terms, names of professionals, domestic and wild animals, etc. A conclusion is made that semantics of lexical units is not bounded by their dictionary descriptions based on most frequently actualized contextual meanings but express a great amount of properties (perceptive, behavioural, locative and others) characteristic of objects and entities represented which are not registered by lexicographic sources. Made explicit in various contexts, extracted from the National Corpus of Russian and other corpora, these properties constitute the semantic potential of lexical units and form the information language base in Russian as the richest treasury of knowledge and beliefs about the surrounding world.

Keywords: Lexical Unit, Meaning, Semantic Potential, Utterance, Corpus, Conceptual Structure.

1. E-mail: zkharitonchik@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2166-4271> * Corresponding author

СЕМАНТИЧЕСКИЕ СОКРОВИЩА РУССКОГО СЛОВА

Харитончик Зинаида Андреевна^{1*}

Профессор, Минский государственный лингвистический университет,
Минск, Беларусь.

(дата получения: март 2023г.; дата принятия: май 2023г.)

Аннотация

В статье в результате анализа семантики наименований разных лексико-семантических групп в современном русском языке (названий лиц по родству или профессии, воинских званий, домашних и диких животных и др.) делается вывод о том, что семантика лексических единиц не ограничивается их словарными дескрипциями, основанными на наиболее часто актуализируемых контекстуально обусловленных значениях, но содержит огромный реестр свойств (перцептивных, поведенческих, локативных и т.д.) репрезентируемых ими сущностей, не регистрируемый в лексикографических источниках. Они эксплицируются в многочисленных соответствующих контекстах, извлеченных из Национального и других корпусов русского языка, и составляют открытый по своему характеру семантический потенциал лексических единиц, формирующий информационную базу русского языка как богатейшей сокровищницы знаний и верований об окружающем мире.

Ключевые слова: Лексическая Единица, Значение, Семантический Потенциал, Высказывание, Корпус, Концептуальная Структура.

1. E-mail: zkharitonchik@mail.ru: <https://orcid.org/0000-0003-2166-4271> * Ответственный автор

Введение

Глубокие методологические преобразования, произошедшие в языкознании в последние десятилетия под влиянием когнитивной научной парадигмы и дополненные доселе не виданным объемом фактологических данных корпусной лингвистики, привели ученых к пересмотру взглядов на семантику слова как центральной единицы языка. Все большую популярность в настоящее время приобретает подход в духе конструктивизма, согласно которому значение лексической единицы не есть определенная упакованная в словесных формах совокупность знаний, или, по образному выражению Д. Геерартса, «предварительно упакованные куски информации, которые содержатся и переносятся в словесных мешках»¹ (Geeraerts 2006. 137), а представляет собой конструируемое на базе имеющихся концептуальных структур знание, отвечающее условиям определенного контекста и актуализируемое говорящим в соответствии с его намерениями. Соответственно и лексикон языка предстает не как, по словам Д. Геерартса, «just an unstructured bag of words», т.е. неструктурированный мешок слов, а как сеть выражений, взаимно связанных разными типами семантических звеньев (Geeraerts 2010. 112).

Очевидно, что главным и определяющим в понимании семантических, или содержательных свойств языковых единиц сегодня является не просто характерная для предшествующих поколений семасиологов констатация связи лексики с концептуальным (понятийным) миром человека. Новизну современных взглядов, по нашему мнению, составляет то, что в соответствующих коммуникативных ситуациях из общей совокупности знаний, заключенных в постоянно развивающихся концептуальных структурах, перспективизируется, фокусируется некоторая информация (Langacker 1991), которая представляет собой передаваемое говорящим с

1. Здесь и далее перевод наш – З.Х.

помощью лексических единиц их контекстуальное значение. В контексте данной выше интерпретации правомерной и убедительной кажется трактовка К. Малмкьяер лексикографических дефиниций как регистрации разделяемых многими носителями языка наиболее общих, значимых и поэтому наиболее стабильных семантических компонентов слова. Они фиксируются составителями словарей на базе имеющихся в их распоряжении употреблений в качестве наиболее часто актуализируемых единиц в разных контекстах ее употребления огромным числом пользователей в течение длительных отрезков времени (Malmkjaer 2006. 401). С этих позиций словарная дефиниция в противовес многочисленным критикам словарей дает пользователям словаря, по нашему мнению, оптимальное семантическое описание слова, отвечающее, во-первых, задачам лексикографической практики создать для них только подсказку в расшифровке семантики слова в опоре на имеющиеся у них знания (Bolinger 1965) и ориентированное на разные социальные, возрастные и др. группы носителей языка и соответственно разные типы знаний, и, во-вторых, что главное, концентрирующееся на категориальных и прототипических характеристиках слова. В словарной дефиниции лексикограф стремится избежать вариативности информации, проистекающей из разнообразия сведений об именуемом и, вероятно, затрудняющей во многих случаях понимание лексической единицы. Например, скудость и ограниченность лексикографических данных о наименованиях времен и месяцев года, в которых фиксируется только их последовательность в соответствующем темпоральном цикле (см. подробнее (Харитончик 2022)), объясняется, по нашему мнению, невозможностью и ненужностью описания множества присущих временам года свойств в разных местностях и климатических условиях, в которых существует языковой коллектив, многообразия деятельности людей той или иной социальной группы и т.д. и т.п.. Одновременно на фоне указанных выше ограничений

лексикографического описания становится очевидной правомерность вывода, сделанного лингвистами, о неполноте семантической дескрипции слова в словарях (Кузнецов 1984. 162).

Значение слова, таким образом, есть актуализованная в конкретной ситуации общения некоторая составляющая динамичной по своей сущности когнитивной структуры, формируемой в результате нашей жизнедеятельности. Являясь результатом выбора адресантами того или иного аспекта обозначаемого, оставляя за бортом остальное имеющееся у носителей языка знание о репрезентируемой сущности, значение слова отражает их видение ситуации и коммуникативные намерения (Kroeger 2019).

Противостоит значению в данной интерпретации семантический потенциал слова, представляющий собой в противовес значению как актуализованной контекстуально ограниченной информации потенциальное знание, кумулирующее всю огромную палитру знаний языкового коллектива об обозначаемом и в конечном итоге об окружающем мире. Включая и лингвистическое, и энциклопедическое знание, разграничение которых, как неоднократно отмечалось языковедами, не просто затруднено, но даже неправомерно и не имеет смысла (Jackendoff 2002. 293), семантический потенциал лексических единиц, активно вовлекаемый в процессы конструирования их конкретного смысла, делает возможным объяснение как гибкой приспособляемости (*flexible adaptability*) языковых форм – ведущего принципа их функционирования (Fauconnier 2003. 79), так и возможные их контекстуальные модификации, а также вариации лексикографических описаний.

Хотелось бы отметить, что к выше изложенному пониманию семантики лексических единиц близка концепция Е.С. Кубряковой, согласно которой значение единицы – лишь небольшая, видимая, наблюдаемая часть айсберга, в то время как в глубинах семантического айсберга скрывается огромное

богатство знаний языкового коллектива об именуемом. Необходимо также подчеркнуть усилия многих советских и российских лингвистов, направленные на выявление скрытых, латентных, так называемых «спящих» компонентов, не нашедших фиксации в лексикографических дефинициях, но выявляемых в определенных контекстах.

Основная часть

Цели, задачи, методы и материал исследования

Избрав в качестве исходных и определяющих изложенные выше взгляды современных семасиологов на семантическую природу лексических единиц, мы ставим своей целью попытаться раскрыть на примере лексических единиц современного русского языка их семантический потенциал и тем самым продемонстрировать богатство знаний, репрезентируемых конкретными словами и формирующих в общей системе лексикона семантические сокровища русского языка.

Естественно, что первостепенным методологическим вопросом, встающим перед исследователем, поставившим подобную задачу, является поиск адекватных методов, делающих решение задачи посильным и одновременно убедительным. Казалось бы, что классический контекстуальный анализ, получивший с незапамятных времен широчайшее применение и обретший с появлением корпусной лингвистики фундаментальную базу, доказавший достоверность получаемых с его помощью выводов, наилучшим образом подходит для достижения поставленной цели. Однако надо признать, что огромный массив корпусных данных, требующих ручной обработки и соответственно больших затрат времени и труда, делает его далеким от оптимального способом описания семантического потенциала слова. Не случайно многие исследователи с помощью статистических формул стараются, соблюдая принцип достаточности, ограничить свой материал.

Несколько иные перспективы открывает нам психолингвистический эксперимент, в ходе которого носители языка дают свои описания семантики той или иной единицы, раскрывая множество ее характеристик и сторон (см., например, результаты, полученные в ходе психолингвистического эксперимента, направленного на дескрипцию семантики конвенциональных циклических структур в русском языке (Харитончик 2022)). Особенно интересны в этом плане данные краудсорсинговых словарей, в составлении словарных статей, в которых участвуют большие группы носителей языка. Однако и этот метод в разных его вариантах: в виде интроспективного метода, примененного А. Вежбицкой (Wierzbicka 1985) или в виде популярного направленного ассоциативного эксперимента, оказывается ограниченным теми социальными, возрастными и т.д. группами испытуемых, которые вовлечены в эксперимент. Позволяя увидеть лишь некоторый срез, но не общую картину, он не гарантирует, как отмечают ученые (см., например, (Радбиль 2022. 119)), достоверности полученных данных вследствие их субъективности.

Как показывает наш опыт, наилучшие результаты на сегодняшний день для достижения поставленной цели можно получить, применяя контекстуальный анализ в сочетании с деривацией. Обращение к вторичным метафорическим значениям в семантических структурах многозначных единиц или к компаративным дериватам, образованным от производящих баз, в качестве которых выступают интересующие нас слова, или к фразеологическим и сравнительным оборотам открывает возможность увидеть присущие или приписываемые языковым коллективом называемому объекту свойства, которые функционируют как основания для сравнения, лежащего в основе переноса имени и его употребления, и тем самым регистрируют знания, имеющиеся у носителей языка. Так, например, из приведенных ниже высказываний, в которых употреблено производное прилагательное *заячий* в компаративном значении, а также сравнительная конструкция *как у кошки*, мы

получаем информацию о специфичном крике и тонком слухе зайца, о форме рта у кошки и т.д.: – *Но было уже поздно. Заячий вопль Ивана заставил его свалиться. Падая, увидел он Ивана, приколотого к стене иглой*» [Игорь Сухих. Остается только метафора... // «Звезда», 2002]; *Слух у Васьки был тонкий, заячий: чуть хлопнет дверь вдали — Васька вскочит, оправит диван — ничего не заметно — и в кочегарку...* Ф. Панова. Спутники (1945)]; *Ротик у неё был маленький и трогательный, как у кошки* [Владислав Отрошенко. Эссе из книги «Тайная история творений» // «Октябрь», 2001].

Следует заметить также, что выбор исследователем того или иного метода или нескольких, дополняющих друг друга, как это имеет место, например, в (Будникова 2016, Турчинская 2019), зачастую зависит от избранного объекта описания.

Результаты исследования

В нашем случае в ходе применения контекстуального анализа дериватов разного типа от наименований домашних и диких животных (*кошка, собака, лошадь* и др.; *заяц, волк, лиса, лев* и под.), наименований лиц по родству (*мать, отец, брат, сестра* и др.), должности или профессии (*начальник, учитель, профессор* и т.д.), наименований воинских званий (*солдат, генерал, адмирал* и др.), а также употребления данных имен в сравнительных конструкциях в русском языке получен огромный реестр свойств (перцептивных, поведенческих, локативных и т.д.) репрезентируемых ими сущностей. Эти характеристики хорошо известны носителям русского языка или легко постулируются ими и составляют в своей совокупности необозримое по своему объему семантическое богатство русского языка.

Продемонстрируем сделанное заключение на примере слова *воробей*. Это настолько распространенная в русскоязычном ареале птичка, что словарь В.И. Даля дает слову *воробей* определение ‘известная птичка’, дополняя его

научными терминами *Passer domesticus*, *Fringilla domestica*. Несколько информативнее дефиниция в ТСОЖ ‘Маленькая птичка с серо-чёрным оперением’. В дефиниции же ‘Маленькая птичка с коричневато-серым оперением, живущая обычно близ жилых строений’, предлагаемой в МАС, наряду со сведениями о маленьком размере птицы, указывается на несколько иной цвет ее оперения и место обитания. Еще одно описание находим в РСС ‘Маленькая птичка подотряда певчих воробьиных с серо-чёрным оперением, часто с тёмным пятном на горле (у самцов)’, в котором приведена научная информация о принадлежности данного вида птиц к определенному подотряду и некоторые особенности цвета оперения у самцов. Таким образом лексикографы, как явствует из приведенных описаний, ограничиваются, в основном, информацией о категориальных и некоторых перцептивных (размер, цвет) характеристиках называемого вида птиц.

Намного богаче оказывается знание о воробьях у носителей русского языка. Опираясь на значения, актуализованные в высказываниях в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), можно утверждать следующее. Знание, хранимое носителями русского языка о данной птице, не ограничивается информацией о маленьком размере птички: «...она была крошечная, как воробей. [Нина Садур. Сад (1994)]¹; *Маленькая, как воробей, она летит на уровне бетонолитной башины.* [В.П. Катаев. Время, вперед! (1931-1932)]; ...в столь *маленьком, убогом, воробьином* существе может накапливаться такая космически необъятная скорбь. [Яна Кузнецова. Любовь лилипута (2001) // «Семья», 14.11.2001] и др. Им известны также размер и форма воробьиной головки, клюва и т.д.: *Сколько оказалось среди них маленьких, носатых, низколобых, со смешными заячьими ротиками, с*

1. Нами в целях экономии места приводятся сокращенные варианты высказываний из НКРЯ, достаточные для декодирования смысла искомых единиц

воробьиными головками. [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960)]; *Маленький гардеробщик ...мелко тряся воробьиной* головкой. [Ирина Муравьева. Документальные съемки (1997-1998)]; *Тонкий нос с глубокой переносицей торчал наподобие воробьиного* клюва.... [Елена Макарова. Ни гу-гу (1978-2008) // «Ковчег», 2014];... *целовать маленькие, пытливо-разбойничьи воробьиные* глазки, только что ставшие познавать мир. [В. П. Катаев. Святой колодец (1962-1965)]; *Те же мелкие глазки и воробьиный носик.* [Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002]; ...*тонкие, как воробьиные ребрышки, веточки...* [Василий Голованов. Остров, или оправдание бессмысленных путешествий (2002)]. ...*карандаш величиной с воробьиный нос.* [Константин Воробьев. Это мы, Господи! (1943)]; *А какие там заработки? С воробьиный пуп? ...* [Сергей Довлатов. Компромисс (1981-1984)]; ... *заставлял вздрагивать от счастья их маленькие воробьиные сердца.* [Г.Я. Бакланов. Июль 41 года (1964)].

На базе этого знания выкристаллизовывается обозначение словом *воробьиный* и конструкцией *как воробей* маленького размера, силы, интенсивности, незначительной степени качества и т.д.:

...*потребности в покупках сузились до воробьиных размеров.*
[Игорь Сахновский. Человек, который знал все (2007)]; *столь воробьиные дозы его не берут...* [В.П. Катаев. Сорренто (1965)]; ...*виски пили пусть и не одним махом, как поступили бы русские, но и не западными воробьиными* глоточками.... *Она отпила воробьиный глоток* [А. А. Бушков. Ближе, бандерлоги! (2016)]; ... *саке в горшочке было всего грамм двести пятьдесят — воробьиная порция!* [Дина Рубина. Медная шкатулка (2011-2015)]; ...*делай так, как она говорит, мозги у тебя воробьиные, и ничего ты не понимаешь.* [И.Л. Солоневич. Две силы (1953)]; ...*перешибить воробьиную* силу пленного. Василий

Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960); ... *если ты перерастешь воробьиные чувства и желания, тебе нет места.* [Константин Бولшаков. Бегство пленных, или История страданий и гибели поручика Тенгинского пехотного полка Михаила Лермонтова (1928)]; ...*такой поступок доказывает ...ужаснейшую воробьиную смелость.* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Рецензии (1863-1864)]; «...*Да власть у меня воробьиная. Упроси главного врача...*» [Саша Черный. Солдатские сказки/ Сумбур-трава (1932)]; *День прибавился на воробьиный шаг...* [И. В. Евдокимов. Левитан (1940)]; ...*а земли захватил у него Матвей Кашулин с воробьиною четверть, — зажмурившись, переплюнуть можно.* [М. А. Шолохов. Тихий Дон. Книга первая (1928-1940)] и др.

Подмечены говорящими в качестве свойственных воробьям характеристик также:

- **цвет оперения:**

Она прибрала воробьиного цвета волосы и накинула старую кофточку поверх халата. [Людмила Улицкая. Пиковая дама (1995-2000)]; ...*в нем несколько веточек воробьино-серой вербы.* [Людмила Улицкая. Медя и ее дети (1996)]; ...*старший лейтенант в мятой, воробьиного цвета шинели...* [Виктор Астафьев. Прокляты и убиты. Книга первая. Чертова яма (1995)]; ...*листья на черемухах висели мертво, такие же серые от пыли, как воробьиные перья...* [Виль Липатов. Еще до войны (1971)]; *Серые, под воробьиный цвет избы...* [В. Ф. Тендряков. Онега. Путевые заметки (1964)];

- **запах:**

Если понюхать Мусякины волосы, ...и услышать от них слабый такой воробьиный запах... [Кира Сурикова. Несладкий кофе (2003)]; ...*чувствуя воробьиный запах влажных на темени светлых волос, носил по комнате,* [Юрий Бондарев. Горячий снег (1969)];

• **издаваемые звуки:**

флакон пискнул, **как воробей** [Ю. К. Олеша. Три толстяка (1924)];
... ждали приёма у дверей наших кабинетов, иногда что-то там **воробьиными голосами шептали по нашему поводу. Так и мы ведь шептали воробьиным шёпотом.** [Василий Гроссман. Все течет (1955-1963) // «Октябрь», 1989];... «не прошлое обогащает свистом своих бесчисленных голосов незамысловатую **воробьиною песенку настоящего, а новый поэт...** [Елена Пестерева. Развоплощенная культура // «Октябрь», 2013]; ...**дети щебетали воробьиными голосами...** [Олег Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени (2008)]; **Я с ужасом обнаружил в своей речи нечто воробьиное, скоротечно-торопливое, выплевывание очень коротких предложений** [М. А. Захаров. Театр без вранья (2007)]; **Поэтому женский, скажем, голос, ...превращался в какое-то воробьиное чириканье на грани ультразвука.** [Борис Левин. Блуждающие огни (1995)]; **Голос у него воробьиный, его быки и за человека не считают, ничуть не пугаются!** [М. А. Шолохов. Поднятая целина. Книга 1 (1932)];

• **специфические движения воробья:**

Давай лучше отработаем воробьиною походку. Сидя на корточках, мы стали прыгать по лавочке... [Валерий Медведев. Баранкин, будь человеком! (1957)]; ... **перестал прыгать, как воробей, трепыхая локтями** [К.И. Чуковский. Дневник(1922)]; **походка Любы воробьиная, прыгающая.** [Максим Горький. Жизнь Клима Самгина. Часть 1 (1925)]; **Посудите сами, если Чарли не ангел, откуда у него эта воробьиная походка, птичьи повороты головы, голубиное кокетство.** [Божественный Чарли // «Экран и сцена», 2004.05.06]; ...**То влезет на крышу и там, как воробей, прыгает и бегаёт** [Н.А. Полевой. Клятва при гробе Господнем (1832)];... **идти вприпрыжку, как воробей.** [М.Н. Загоскин. Аскольдова могила (1833)]; **Потом он топнул ..., и запрыгал на носках, как воробей...** [Скиталец (С.Г. Петров).

Композитор (1900)];...*Взгляд заики за воробьиным его проскоком следил.* [Нина Садур. Сад (1994)]; *Да и движется джинсовый необычно: мелким воробьиным шагом, бочком.* [Борис Евсеев. Евстигней // «Октябрь», 2010]; *Боря Миргородский прохаживался воробьиной припрыжкой...* [Александр Терехов. Каменный мост (1997-2008)]; ...не сдвинулась и на *воробьиный скок.* [Михаил Успенский. Там, где нас нет (1995)];

- **поведенческие характеристики:**

Хлопотливый, как воробей, грязенький, оборванный, он заискивающе улыбался всем какой-то собачьей улыбкой... [Максим Горький. Дело Артамоновых (1924-1925)]; *Дед смотрел на меня веселым воробьиным взглядом...* [Александр Щербаков. Пах антилопы // «Октябрь», 2002]; *Полгода Айза не подпускала Илью к себе на воробьиный полет.* [Дмитрий Липскеров. Последний сон разума (1999)]; *При ударах,... внутри нее вспыхивал воробьиный переполох.* [Виктор Астафьев. Последний поклон (1968-1991)]; ...*озябнувший, мокрый, голодный, по-воробьиному взъерошенный, Курганов...* [Г.Е. Николаева. Битва в пути (1959)]; ... *было в нем, в этом воздушном, тощем, маленьком, как воробей, существе, что-то воробьино-веселое...* [Г.И. Успенский. Живые цифры (1888)]; *А у нашего брата забот да хлопот не оберешься, оттого и сон воробьиный.* [П. И. Мельников-Печерский. На горах. Книга первая (1875-1881)]; *наивные голубые глаза сидели в его по-воробьиному взъерошенном, осунувшемся лице* [А.С. Грин. Малинник Якобсона (1910)]; ... *не видел, как мелкой воробьиной стаей прынул «мессеру» в нос бортовой инструмент старшины...* [Артем Анфиногенов. А внизу была земля (1982)]; ... *И в людях заметна воробьиная суетливость...* [Максим Горький. В людях (1915-1916)]; *Грязные, со взъерошенными разномастными головами, они, как в непогодь, по-воробьиному жались друг к другу...* [Федор Абрамов. Братья и сестры (1958)]. Указанные свойства количественно и качественно дополняют прототипическую формулу категории птиц,

установленную Э. Рош (Rosch 1978), значительно расширяя объем знаний о поименованном виде птиц.

Аналогичную картину, порою еще более сложную вследствие большего числа актуализируемых свойств, мы получаем в результате исследования других групп слов в русском языке. Как показывает анализ, семантика наименований домашних и диких животных включает присущие или приписываемые им перцептивные свойства (общего облика, формы и размера фигуры, частей тела; цветовые, звуковые и т.д.), поведенческие характеристики, типы деятельности и др. (см. подробнее (Харитончик 2014)), составляющие в своей совокупности когнитивную матрицу (Болдырев 2016) данной группы слов. Семантический потенциал наименований лиц по родству, следуя основной линии генетической связи, содержит сведения об их функциональных, этических, моральных и т.д. нормах поведения (Харитончик 2019), значительно усложняя лежащий в их основе концептуальный стержень в терминологии А.Вежбицкой (Warbeck 1985, 332). В значениях наименований лиц по должности или профессии, наименований воинских званий актуализируются соответствующие их статусу формы поведения и статусные приобретаемые характеристики (например, моральные свойства, социальные привилегии, тон и др.).

Заключение

На приведенном в статье примере слова *воробей* становится очевидным, что следуя прототипической формуле, в которой отражены основные характеристики птиц: наличие головы, клюва, оперения, ножек, говорящие, с одной стороны, с целью идентификации конкретного вида птиц уточняют их по линии размера, формы, цвета и т.д., а, с другой, расширяют когнитивную матрицу, включая в нее сведения о поведенческих, звуковых и других характеристиках, демонстрируя тем самым открытый характер семантических

свойств лексических единиц, составляющих их семантический потенциал. Выявленные его конститутенты в общей своей совокупности ориентированы на лежащую в их основе концептуальную структуру. Можно утверждать поэтому, что конструирование информации, передаваемой лексическими единицами, имеет моделируемый характер и осуществляется по определенным образцам, описание которых во всей их полноте позволит раскрыть все богатство лексической системы языка.

Литература

- 1- Болдырев Н.Н. (2016). Когнитивные схемы языковой интерпретации. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2016. № 4. С. 10-20.
- 2- Будникова Е.И. (2016). *Значимость семантических компонентов в структуре лексического значения (на материале имен существительных современного английского языка)*. [Дис.канд. филол. наук. 10.02.04. Минский гос. ун-т]. Минск, Беларусь.
- 3- Кузнецов А. М. (1984). Объективные знания об окружающем мире и их отражение в лексике и лексикографии. *Слово в грамматике и словаре*. М. : Наука. С. 159–164.
- 4- *Национальный корпус русского языка* [Electronic resource]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (Date of access: 20.12.2022).
- 5- Радбиль Т.Б. (2022). Слово «небезызвестный» как маркер репрезентативного контекста: к проблеме верификации «языка ценностей» в современной лингвокультурологии. *Язык. Человек. Культура*. Сборник научных трудов, посвященный юбилею Марии Львовны Ковшовой. М. : ИЯ РАН. С. 120 – 132.
- 6- Турчинская М. В. (2019). *Лексические парадигмы в английском и белорусском языках: структура, семантика и прагматика*. Минск : МГЛУ.
- 7- Харитончик З.А. (2014). Семантика и прагматика лексических единиц в зеркале деривационных процессов. *Slavische Wortbildung im Vergleich. Theoretische und pragmatische Aspekte*. Hrsg. S. Mengel. Berlin : LIT-Verlag Dr. W Hopf, (= Slavica Varia Halensia, Bd. 12). S. 17–33.
- 8- Харитончик З. А. (2019). «Спящие» компоненты семантики лексических единиц». *Семантика и прагматика языковых единиц*. Доклады Международной научной конференции, Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского г. Калуга, 20-22 сентября 2019 г. / редкол. А. Н. Еремин (отв. ред.). Калуга: КГУ им. К. Э. Циолковского. С. 286–299.

- 9- Харитончик З.А. (2022). *Конвенциональные циклические структуры в лексике современного русского языка*. Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury, Vol. 10, Issue 2, 2022. Pp: 157–176.
- 10- Bolinger Dwight (1965). The Atomization of Meaning. *Language*. Vol.41, No.4. P. 555–573.
- 11- Fauconnier G. and M. Turner (2003). Polysemy and conceptual blending. *Polysemy: Flexible Patterns of Meaning in Mind and Language*. Ed. Brigitte Nerlich, Zazie Todd, Vimala Herman, David D. Clarke. Berlin-New York : Mouton de Gruyter. P. 79–94.
- 12- Geeraerts D. (2006). *Words and Other Wonders: Papers on Lexical and Semantic Topics*. Berlin New York : Mouton de Gruyter.
- 13- Geeraerts D. (2010). *Theories of Lexical Semantics*. N.Y. : Oxford University Press.
- 14- Jackendoff R. (2002). *Foundations of language. Brain. Meaning. Grammar. Evolution*. Oxford : Oxford University Press.
- 15- Kroeger Paul R. (2018). *Analyzing meaning: An introduction to semantics and pragmatics* (Textbooks in Language Sciences 5). Berlin : Language Science Press.
- 16- Langacker, R. W. (1991). *Concept, Image, and Symbol. The Cognitive Basis of Grammar*. Berlin ; N. Y. : Mouton de Gruyter. (Cognitive Linguistics Research 1).
- 17- Malmkjaer K. (2006). *The Linguistics Encyclopedia*. London : Routledge.
- 18- Rosch E. (1978). *Principles of Categorization*. – Hillsdale, N.J.
- 19- Wierzbicka Anna (1985). *Lexicography and Conceptual Analysis*. – Ann Arbor : Karoma Publishers.

СЛОВАРИ и принятые сокращения

- 1- *Словарь русского языка в четырех томах* (1987). Гл. ред. второго издания А.П. Евгеньева. Изд. третье, стереотипное. М. : Русский язык. – МАС
- 2- Даль В.И. (1989). *Толковый словарь живого великорусского языка*: в 4-х т. М. : Рус. яз. – ДАЛЬ
- 3- Ожегов С.И. (2010). *Толковый словарь русского языка*. Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. Под ред. проф. Л.И. Скворцова.- 27-е издание, исправленное. М. : ООО «Издательство Оникс», ООО «Издательство «Мир и Образование». – ТСОЖ
- 4- Русский семантический словарь (1998). *Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений* / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. М.: "Азбуковник". – РСС.

Bibliography

- 1- Boldyrev N.N. (2016). Kognitivnye shemy jazykovej interpretacii. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. 2016. № 4. S. 10-20.
- 2- Budnikova E.I. (2016). *Znachimost' semanticheskikh komponentov v strukture leksicheskogo znachenija (na materiale imen sushhestvitel'nyh sovremennoj anglijskogo jazyka)*. [Dis.kand. filol. nauk. 10.02.04. Minskij gos. un-t]. Minsk, Belarus'.
- 3- Kuznecov A. M. (1984). Ob#ektivnye znaniya ob okruzhajushhem mire i ih otrazhenie v leksike i leksikografii. *Slovo v grammatike i slovare*. M. : Nauka. S. 159–164.
- 4- *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka* [Electronic resource]. URL: <https://ruscorpora.ru/neshh/> (Date of access: 20.12.2022).
- 5- Radbil' T.B. (2022). Slovo «nebezvzvestnyj» kak marker reprezentativnogo konteksta: k probleme verifikacii «jazyka cennostej» v sovremennoj lingvokul'turologii. *Jazyk. Chelovek. Kul'tura*. Sbornik nauchnyh trudov, posvjashhennyj jubileju Marii L'vovny Kovshovoj. M. : IJa RAN. S. 120 – 132.
- 6- Turchinskaja M. V. (2019). *Leksicheskie paradigmy v anglijskom i belorusskom jazykah: struktura, semantika i pragmatika*. – Minsk : MGLU.
- 7- Haritonchik Z.A. (2014). Semantika i pragmatika leksicheskikh edinic v zerkale derivacionnyh processov. *Slavishe Shhortbildung im Vergleich. Theoretische und pragmatische Aspekte*. Hrsg. S. Mengel. – Berlin : LIT-Verlag Dr. Shh Hopf, (= Slavica Varia Halensia, Bd. 12). S. 17–33.
- 8- Haritonchik Z. A. (2019). «Spjashhie» komponenty semantiki leksicheskikh edinic». *Semantika i pragmatika jazykovykh edinic*. Doklady Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Kaluzhskij gosudarstvennyj universitet im. K. Je. Ciolkovskogo g. Kaluga, 20-22 sentjabrja 2019 g. / redkol. A. N. Eremin (otv. red.). Kaluga: KGU im. K. Je. Ciolkovskogo. S. 286–299.
- 9- Haritonchik Z.A. (2022). *Konvencional'nye ciklicheskie struktury v leksike sovremennoj russkogo jazyka*. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Jazyka i Literatury*, Vol. 10, Issue 2, 2022. Pp: 157–176.
- 10- Bolinger Dshhight (1965). *The Atomization of Meaning*. *Language*. Vol.41, No.4. P. 555–573.
- 11- Fauconnier G. and M. Turner (2003). Polysemy and conceptual blending. *Polysemy: Flehible Patterns of Meaning in Mind and Language*. Ed. Brigitte Nerlich, Zazie Todd, Vimala Herman, David D. Clarke. – Berlin-Neshh Jork: Mouton de Gruyter. P. 79–94.
- 12- Geeraerts D. (2006). *Shhords and Other Shhonders: Papers on Lehical and Semantic Topics*. – Berlin Neshh Jork: Mouton de Gruyter.

- 13- Geeraerts D. (2010). *Theories of Lexical Semantics*. N.Y. : Ohford University Press.
- 14- Jackendoff R. (2002). *Foundations of language. Brain. Meaning. Grammar. Evolution*. Ohford : Ohford University Press.
- 15- Kroeger Paul R. (2018). *Analyzing meaning: An introduction to semantics and pragmatics* (Tehtbooks in Language Sciences 5). – Berlin: Language Science Press.
- 16- Langacker, R. Shh. (1991). *Concept, Image, and Symbol. The Cognitive Basis of Grammar*. Berlin ; N. Y. : Mouton de Gruyter. (Cognitive Linguistics Research 1).
- 17- Malmkjaer K. (2006). *The Linguistics Encyclopedia*. – London: Routledge.
- 18- Rosch E. (1978). *Principles of Categorization*. – Hillsdale, N.J.
- 19- Shhierzbicka Anna (1985). *Lehicography and Conceptual Analysis*. – Ann Arbor : Karoma Publishers.

SLOVARI i prinjatye sokrashhenija

- 1- *Slovar' russkogo jazyka v chetyreh tomah* (1987). Gl. red. vtorogo izdaniya A.P. Evgen'eva. Izd. tret'e, stereotipnoe. M. : Russkij jazyk. – MAS
- 2- Dal' B.I. (1989). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka: v 4-h t.* M. : Rus. jaz. – DAL"
- 3- Ozhegov S.I. (2010). *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka*. Ok. 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenij. Pod red. prof. L.I. Skvorcova.- 27-e izdanie, ispravlennoe. M. : OOO «Izdatel'stvo Oniks», OOO «Izdatel'stvo «Mir i Obrazovanie». – TSOZh
- 4- Russkij semanticheskij slovar' (1998). *Tolkovyj slovar', sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij / Rossijskaja akademija nauk*. In-t rus. jaz. im. V.V. Vinogradova; Pod obshhej red. N.Ju. Shvedovoj. M.: "Azbukovnik". – RSS.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Kharitonchik Zinaida Andreevna (2023). SEMANTIC TREASURES OF THE RUSSIAN WORD. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 11(2), 107-125.

DOI: 10.52547/iarll.22.6

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/293>

گنجینه‌های معنایی کلمات روسی

زینایدا آندره‌یونا خاریتانچیک^{*1}

استاد دانشگاه دولتی زبان‌شناسی مینسک،
مینسک، بلاروس.

(تاریخ دریافت: مارس ۲۰۲۳، تاریخ پذیرش: مه ۲۰۲۳)

چکیده

در این مقاله در نتیجه تجزیه و تحلیل معنای اسامی گروه‌های واژگانی - معنایی در زبان روسی معاصر (اسامی افراد از نظر خویشاوندی، شغل، اسامی نظامی، حیوانات خانگی و وحشی و غیره) نتیجه‌گیری می‌شود. بر این اساس معنای واحدهای معنایی به توصیف آنها در فرهنگ‌ها که بر اساس پرکاربردترین معانی وابسته به متن آنها استوار شده‌اند، محدود نمی‌شود، بلکه تعداد قابل توجهی از ویژگی‌هایی (دریافتی، رفتاری، مکانی و غیره) را دارند که نماینده ماهیت آنها هستند و در منابع فرهنگ‌نویسی ثبت نشده‌اند. این معانی در تعداد زیادی بافت مربوط که از پیکره ملی زبان روسی و دیگر پیکره‌های زبان روسی استخراج شده‌اند، تجلی پیدا کرده‌اند و یک مجموعه بالقوه و باز از واحدهای واژگانی تشکیل می‌دهند. این مجموعه، پایه داده‌ای زبان روسی را به عنوان غنی‌ترین گنجینه دانش و اعتقادات درباره دنیای اطراف تشکیل می‌دهند.

واژگان کلیدی: واحد واژگانی، معنا، پتانسیل معنایی، عبارت، پیکره، ساختار مفهومی.

1. E-mail: zkharitonchik@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2166-4271>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی - پژوهشی